

СЛОВАРЬ Д. Н. УШАКОВА В КИТАЙСКОЙ РУСИСТИКЕ

Чэнь Пэйцзюнь

Шаньдунский университет (Цзинань, Китай)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7883-7175>

SPIN-код: 6813-3488

А н н о т а ц и я. В статье, имеющей целью раскрыть значение «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – Словарь Ушакова) для современной китайской русистики, рассматриваются различные точки зрения китайских ученых на знаменитое лексикографическое сочинение, с одной стороны, вобравшее в себя опыт составления толковых словарей русского языка предшествующих эпох, с другой стороны, положившее начало академической ортологической лексикографии советского времени. В статье предпринята попытка представить наиболее заметные критические и исследовательские работы китайских русистов разных лет, посвященные Словарю Д. Н. Ушакова, причем в разных аспектах. Приводятся, например, суждения лексикографов-русистов Китая (Лю Цзезун, Цао Цзинхуа и др.), кто считал этот словарь образцовым и в начале 1930–1940-х годов учился русскому языку в советских вузах, а при составлении первых двуязычных (китайско-русских и русско-китайских) словарей следовал принципам лексикографического шедевра Ушакова. Предлагается также краткий обзор работ известных педагогов современного Китая (Чжан Хуйсэнь, Го Динтай, Чжан Цзиньчжун и др.), определяющих Словарь Д. Н. Ушакова как ценный источник лексики, актуальной и необходимой для китайских учащихся в преподавании им русского языка любой исторической эпохи, но прежде всего, советской. Подчеркиваются те аспекты этого словаря, которые представляются наиболее ценными для теоретической русистики в Китае, например: вопросы исторической и функциональной стилистики, семантической изменчивости слова, соотношения грамматической и лексической сторон словесного знака, проблем фразеологии, лексической омонимии и полисемии. Анализ научных статей о Словаре Д. Н. Ушакова, в разные годы вышедших в Китае, воспоминания о пользе словаря в различных областях жизни Китая после 1930-х гг. ясно свидетельствуют о том, что словарь оказал огромное влияние на развитие лексикографии в Китае как самостоятельной области русистики и в теоретическом и научно-прикладном значениях, а также подчеркивает практическую ценность этого знаменитого издания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: двуязычная лексикография; китайская русистика; нормативный словарь; история лексикографии; научная школа; стилистические пометы

Д л я ц и т и р о в а н и я: Чэнь, П. Словарь Д. Н. Ушакова в китайской русистике / П. Чэнь. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 298–309. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-298-309.

D. N. USHAKOV'S DICTIONARY IN CHINESE RUSSIAN STUDIES

Peijun Chen

Shandong University (Jinan, China)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7883-7175>

Abstract. The aim of this article is to explore the significance of the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by D. N. Ushakov (hereinafter Ushakov’s Dictionary) to the modern Chinese Russian studies. This article makes a comprehensive analysis of the Dictionary based on various viewpoints of Chinese scholars on this renowned Dictionary, which not only incorporated the principles of previous Russian dictionaries, but also laid the foundation for academic orthological lexicography of the Soviet era. The article attempts to present the most notable critical and research works of Chinese Russian scholars of different years devoted to Ushakov’s dictionary, and in different aspects. For example, this article presents opinions of Chinese Russian language lexicographers (Liu Zerong and others), who considered this dictionary exemplary, and who in the early 1930s and 40s studied Russian in Soviet universities, and when compiling the first bilingual (Chinese-Russian and Russian-Chinese) dictionaries followed the principles of Ushakov’s lexicographic masterpiece. The study also contains a brief overview of the works of famous teachers of modern China (Zhang Huisen, Guo Dingtai, Zhang Jingzhong, etc.), who define Ushakov’s dictionary as a valuable source of vocabulary relevant for teaching Rus-

sian of any historical era, especially the Soviet one, to Chinese students. Those aspects of this dictionary that seem most valuable for theoretical Russian studies in China are emphasized, for example, in matters of historical and functional stylistics, semantic variability of a word, correlation between grammatical and lexical aspects of a verbal sign, problems of phraseology, lexical homonymy and polysemy. The analysis of the scientific articles about Ushakov's dictionary published in China in different years and the memories about the usefulness of the dictionary in various areas of life in China after the 1930s clearly indicate that Ushakov's dictionary had a huge impact on the development of lexicography in China as an independent field of Russian studies in both theoretical and scientific-applied perspectives and emphasize the practical value of this famous publication.

Keywords: bilingual lexicography; Chinese Russian studies; normative dictionary; history of lexicography; scientific school; stylistic notes

For citation: Chen, P. (2023). D. N. Ushakov's Dictionary in Chinese Russian Studies. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 298–309. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-298-309.

Введение

Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942) – выдающийся русский и советский ученый, член-корреспондент Академии наук СССР, в настоящее время наиболее известен в Китае тем, что под его редакцией был издан «Толковый словарь русского языка» (1935–1940 гг.) – один из самых авторитетных толковых словарей в истории русской лексикографии, оказавший безусловное влияние на развитие словарного дела не только в России, но и в тех странах, где всегда существовал большой интерес к русскому языку, литературе и культуре. Показателен в этом отношении пример Китая.

Интерес китайских ученых к научному творчеству Д. Н. Ушакова, особенно к «Толковому словарю русского языка» (известному всем как Словарь Ушакова), возник уже с момента его выхода в свет.

Истоки традиции

После Синьхайской революции (1911–1912 гг.) Китайская национальная партия Гоминьдан и Коммунистическая партия Китая придавали большое значение связям с СССР и подготовке специалистов, свободно владеющих русским языком и понимающих специфику Советского Союза [Нин Ци 2019: 77]. Многие китайские студенты 1920–1930-х гг. мечтали поехать учиться в СССР, в том числе изучать русский язык. Те из них, кто успешно окончил советские университеты и возвращался на родину, например, Цао Цзинхуа, Лю Цзэжун, Ван Чжисян и др., начинали активно заниматься преподаванием русского языка, привозили с собой большое количество ценных русскоязычных книг и учебных материалов, на основе которых преподавание русского языка в Китае начало

строиться по-новому [Фу Кэ 1986: 38].

Некоторые из прошедших обучение в СССР китайских студентов создавали свои учебники и пособия по русскому языку, которые были предназначены именно для китайской аудитории и учитывали её культурный контекст [Там же]. Именно они – первые китайские русисты, пионеры преподавания русского языка в Китае – познакомились со Словарем Ушакова почти сразу после того, как в СССР в 1935 г. из печати вышел его первый том.

Цао Цзинхуа (1897–1987) – известный переводчик и педагог, который в своё время, в 1921 г., был направлен на учёбу в советский Коммунистический университет трудящихся Востока (Москва, 1921–1938 гг.).

С образованием КНР он возглавил факультет русского языка Пекинского университета. Цао Цзинхуа был одним из первых китайских русистов, кто познакомил широкую читательскую аудиторию своей страны с русской и советской литературой. Он перевел большое количество произведений русских писателей на китайский язык и своей деятельностью внёс значительный вклад в распространение и популяризацию русской и советской литературы в Китае. По воспоминаниям издателя и переводчика Сунь Шэнью (1917–2014), в 1937 г., когда Япония вероломно развязала против Китая агрессивную империалистическую войну и Бэйпин (нынешний Пекин) пал, Цао Цзинхуа вместе с семьёй покинул город, оставив там почти все свои книги и взяв с собой только три словаря, одним из которых был Словарь Ушакова.

После 1942 г., находясь в городе Чунцин, временной фактической столице Китая, Цао Цзинхуа в тяжёлых условиях,

пользуясь Словарём Ушакова, выполнял переводы большого количества советских произведений на китайский язык [Сунь Шэнью 2007: 78].

При взгляде на историю создания двуязычных словарей в Китае становится понятно, что едва ли не каждый русско-китайский словарь, созданный после образования КНР, оказывается тесно связан со Словарём Ушакова. В предисловии к первому вышедшему после образования КНР в ноябре 1949 г. «Русско-китайскому словарю» (俄华求解同义 成语 文法四用辞典) его автор Го Цзинтянь включает ТСРЯ в список использованных им базовых изданий.

В изданном в 1953 г. двухтомном «Русско-китайском словаре» (俄华大辞典) под редакцией Ван Юйцзиня, Кун Кэцзя и других ученых-лексикографов указано, что при его подготовке также использовался ТСРЯ.

«Большой русско-китайский словарь» (俄汉大词典) под редакцией Лю Цзэжуна, вышедший в 1960 г. (он квалифицируется как «первый крупный русско-китайский словарь, в котором представлено наибольшее количество слов, отражён самый полный набор значений, даны самые точные переводы» и признаётся «самым практико-ориентированным со времён образования КНР» [Чжан Цзиньчжун 2005: 80]), имел принципиальное отношение к ТСРЯ как ценному источнику лексики, как образцовому лексикографическому изданию, о чем говорится в предисловии. В свою очередь на основе этого русско-китайского словаря в 1998 г. был составлен четырёхтомный «Большой русско-китайский толковый словарь» (俄汉详解大词典), «самый большой в истории китайской русистики», представляющий собой «выдающееся событие в научной жизни КНР, крупное достижение китайских русистов» [Солнцев 1998: 3].

В кругу лингвистов Китая имя Д. Н. Ушакова тесно связано с одним из первых китайских русистов Лю Цзэжуном (в 1920-е годы он был хорошо известен в Советском Союзе как деятель Коммунистического интернационала и даже трижды встречался с В. И. Лениным).

В период становления КНР СССР направлял большое количество специалистов для поддержки социалистического строительства в Китае, что явилось толчком к новой волне изучения русского язы-

ка в Китае. Естественно, что важнейшим источником русской лексики в таких случаях были русско-китайские словари, что примечательно, с конца 1930-х гг. составленные прямо или опосредованно на основе «Толкового словаря» Д. Н. Ушакова.

В годы, предшествовавшие выходу знаменитого словаря, студентам и преподавателям приходилось использовать популярный тогда «Русско-японский словарь» (露和辞典) под редакцией Ясуги Садатоси, вышедший в 1935 г. (ввиду исторической близости китайских и японских иероглифов это было возможно). По воспоминаниям Пань Аньжуна, редактора, переводчика и ученика Лю Цзэжуна, Лю Цзэжун с самого начала своего преподавания русского языка хотел составить объёмный русско-китайский словарь, взяв за основу четырёхтомный ТСРЯ и дополнив его новыми лексемами. Однако в связи с нехваткой научных кадров для составления такого словаря и ввиду необходимости как можно скорее удовлетворить потребность китайцев, изучающих русский язык, в русско-китайском словаре, Лю Цзэжун принял решение отказаться от первоначального намерения и приступить к составлению русско-китайского словаря среднего объёма по образцу Словаря С. И. Ожегова [Пань Аньжун 1981: 237]. Так, в декабре 1956 г. вышел в свет 1-й том двухтомного «Нового русско-китайского словаря» (俄汉新辞典) под редакцией Лю Цзэжуна, содержащий слова на буквы А–О. В предисловии к этому словарю отмечается: «Первоначально русско-китайский словарь был составлен нами на основе “Словаря русского языка” С. И. Ожегова; также мы добавили комментарии и некоторые новые слова русского языка, и объём словаря составил более 50 000 словарных статей. В конце августа 1954 г. мы закончили подготовку первоначального проекта и начали работы по корректуре, предварительной проверке, повторной проверке и доработке словаря. Но в процессе доработки стало явственно ощущаться, что толкования слов, представленные в словаре, для изучающих русский язык китайцев слишком кратки и не удовлетворяют их запросам, в связи с чем нами было принято решение пересоставить наш словарь, взяв за его основу толковый словарь Ушакова, расширить толкова-

ния значений, добавить некоторые новые часто употребляющиеся слова и фразеологизмы и добавить примеры употребления некоторых часто встречающихся глаголов и предлогов. Таким образом, первоначальный вариант словаря претерпел существенные изменения, количество словарных статей увеличилось с 52 000 до 60 000, обогатилось и их содержание» [Лю Цзэжун 1956: 1].

В 1960 г. был выпущен уже «Большой русско-китайский словарь» (俄汉大词典) под редакцией Лю Цзэжуна, содержащий 105 000 словарных статей и насчитывающий в общей сложности 7 млн печатных знаков. Лю Цзэжуну всё-таки удалось реализовать свой давний план и составить большой русско-китайский толковый словарь, опосредованно восходящий к высоко ценимому им ТСРЯ. Непосредственной же основой для «Большого русско-китайского словаря» (俄汉大词典) послужил «Новый русско-китайский словарь» (俄汉新辞典) 1950-х гг.

«Большой русско-китайский словарь» отличался от него тем, что он включал в себя все словарные статьи и фразеологизмы из словаря Ушакова, также при его подготовке использовались уже вышедшие тогда в свет первые два тома «Словаря современного русского литературного языка» Академии наук СССР (известного как «Большой академический словарь»), некоторые статьи из «Словаря иностранных слов» под редакцией И. В. Лёхина и Ф. Н. Петрова, выпущенного в 1954 г. и др. [Лю Цзэжун 1960: 3]. «Большой русско-китайский словарь» (俄汉大词典) под редакцией Лю Цзэжуна явился «самым полным русско-китайским словарём своего времени, заслужил признание нескольких поколений китайских студентов и преподавателей русского языка и многократно переиздавался» [Чэнь Чусян 2001: 4].

Китайская научная школа и советская лексикография

Словарь Ушакова стал основой для составления русско-китайских словарей китайскими русистами потому, что, по их мнению, для создания качественного русско-китайского словаря требовался добротный толковый словарь русского языка, который соответствовал бы стандартам авторитетности, современности и совместности [Чжэн Шупу 1992: 30], чему ТСРЯ

удовлетворял идеально. Рассмотрим подробно эти требования ниже.

«Под авторитетностью понимается то, что качество выбираемого русского словаря должно было признано в научном кругу наилучшим. Теоретическая база, позиция его составителей и информация, содержащаяся в словаре, должны быть точны и достоверны» [Там же]. ТСРЯ, первый законченный и полный толковый словарь русского языка советской эпохи, являлся значимым трудом, занявшим важное место в истории русской лексикографии, и после своего выхода в свет он был признан учёными и преподавателями. По мнению В. В. Виноградова, этот словарь представлял собой «в высшей степени ценное справочное пособие по современному русскому языку» [Виноградов 1977: 239]. Как отмечает О. В. Никитин, «при всей жесткости политики в области языкознания в 1930-е гг. “Ушаковский словарь” показал подлинные ориентиры современной лексикографии: нормативность, литературный язык, грамотность в отборе и толковании лексических единиц, широкий общефилологический и культурный кругозор. Даже в условиях сильного идеологического давления он смог противостоять марровским позициям в науке, сохранить четкие академические традиции в теории и практике создания толковых словарей и поныне является ориентиром в подготовке нормативных тезаурусов XXI века» [Никитин 2016а: 39].

Авторитетность ТСРЯ была признана и на официальном уровне: так, в 1948 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей решило преподнести Цао Цзинхуа в знак благодарности за серьёзную и плодотворную работу ценный подарок – Словарь Ушакова [Чжан Дэмэй 1992: 626].

«Под современностью понимается то, что выбираемый русский словарь должен отражать русский язык именно последнего времени, так как язык постоянно развивается и лексика является одним из наиболее динамично обновляющихся языковых уровней. Как правило, чем текст новее, тем ярче он отображает прошедшие в языке изменения» [Чжэн Шупу 1992: 30]. Словарь Ушакова, вышедший с 1935 по 1940 гг., отражал не только слова, употреблявшиеся в произведениях классической литературы

от Пушкина до Горького, но и лексику общепринятого делового и научного языка XIX – начала XX в.; также в словарь были включены неологизмы, возникшие в первой трети XX в., особенно после Октябрьской революции 1917 г. О. В. Никитин справедливо полагает, что одна из важных задач «Словаря» Ушакова – отразить новую лексику, вошедшую в употребление за последние 10-15 лет [Никитин 2016б: 57]. Всё это дало Словарю Ушакова полное право называться «толковым словарём современного русского языка» [Ушаков 1935: 3].

В соответствии с контекстом своего времени и стоявшими перед ним задачами ТСРЯ отражал системные лексико-семантические изменения последних десятилетий и давал картину развития языка в новую, социалистическую эпоху. По мнению О. В. Никитина, «Ушаковский словарь» фиксировал отражение в языковом фонде, как правило, новейших явлений, характерных для советской эпохи [Никитин 2016б: 57]. Тут важно отметить, что редактор и составители ТСРЯ сумели придерживаться идеологических установок и одновременно во многих случаях отстоять научный принцип издания и его лингвистическую, а не политическую направленность, главенство филологии над лозунгами победившего строя [Там же]. Для теории молодой лексикографии в Китае эти наблюдения за свойствами лексического знака имели глубокое теоретическое значение.

Немаловажно и то, что словарь фиксирует обширный ряд новых специализированных технических терминов, использовавшихся в сфере производства и машиностроения. На то были свои продиктованные историей причины, так как в начале выполнения первых пятилеток в СССР возрос массовый интерес к технике и промышленности, в связи с чем стали широко употребительны некоторые малоизвестные ранее специализированные термины (*штулка, подшипник, стартер*), на что и откликнулся коллектив словарников, возглавляемый Д. Н. Ушаковым. Они стремились отразить современный им русский язык максимально точно и полно.

В словаре также можно найти лексемы, отражающие актуальные для этого времени реалии внутренней и внешней политики и общественной жизни (*проле-*

тариат, империализм, ленинец), и слова, иллюстрирующие недавние на тот момент достижения науки и техники (*нейтрон, фотография, электродвигатель*). Благодаря этому ТСРЯ был востребован не только в среде филологов, писателей и переводчиков. По свидетельству ряда китайских ученых, свидетелей этой эпохи (1940–50-е гг.), советские специалисты, приехавшие в КНР с различными строительными, инженерными целями широко использовали данные собрания Д. Н. Ушакова, чтобы точно и ясно (как это растолковано в словаре) объяснить китайским коллегам, владевшим русским языком весьма сносно, то или иное значение нового для них термина или технического понятия. Допустимо в этом отношении предположить, что ТСРЯ в известном смысле внёс свою лепту в налаживание дружбы народов СССР и Китая в довоенное и послевоенное время.

«Под совместимостью понимается то, чтобы объем, характер, структура и адресат выбираемого русского словаря были как можно ближе к планируемому русско-китайскому словарю, и, чем соответствие этих характеристик будет больше, тем лучше» [Чжэн Шупу 1992: 30]. В литературе можно встретить опыт подсчёта численных величин подобных характеристик словарей. Так, по статистике Чжан Цзиньчжуна, число лексикографических параметров¹ в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) – 15, в «Толковом словаре живого великорусского языка» (словаре Даля) количество лексикографических параметров сокращено до 12 за счёт уменьшения объёма грамматической информации, а в монументальном, но не доведённом до конца словаре Грота–Шахматова («Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук» / «Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР», 1891–1937) количество этих параметров почти такое же, как и в «Словаре Академии Российской», не считая лишь одного добавленного этимологического параметра.

¹ Чжан Цзиньчжун, следуя за Ю. Н. Карауловым, понимает под лексикографическим параметром «квант информации о языке» в словарном представлении (см.: [Скляревская 2017: 11]).

По сравнению с указанными словарями четырёхтомник Д. Н. Ушакова даёт гораздо большее число параметров – 40. В этой связи можно утверждать, что он даёт гораздо больше информации по каждому слову, чем словари, предшествующие ему. Учитывая обилие лексикографических параметров и глубину проработки каждого слова, ТСРЯ вполне заслуживал того, чтобы быть использованным в качестве основы для составления двуязычных словарей [Чжан Цзиньчжун 2005: 32–33].

Стоит отметить и то, что словари 1940–1980-х годов имели отчетливо выраженное политическое звучание, о чём, в частности, можно судить по следующему высказыванию двух известных в своё время китайских специалистов по русскому языку: 1) «Мы – социалистическая страна, и наши словари должны иметь социалистическое содержание, которое должно проявляться во всём: и в выборе лексики, и в толковании значений слов, и особенно в идейном содержании примеров. Словари должны занимать чёткую политическую позицию и иметь правильную точку зрения. Распространение буржуазного смрада и феодальных суеверий не допускается» [Юй Шисюн 1962: 49]; 2) «Словарь был не только орудием общественной борьбы, мысли и общения, но и орудием воспитания народных масс» [Чжан Хуйсэн 1980: 116]. Примечательно, что эти (и подобные) высказывания китайских лексикографов явились следствием их внимательного знакомства со Словарем Ушакова. Так, с точки зрения современных российских исследователей, обилие коммунистических штампов с цитатами из трудов Ленина и Сталина в словаре является его видимым недостатком [Нефёдов, Нефёдова 2013: 9], в то время как в Китае 1950–1960-х гг. остро нуждались именно в таком словаре русского языка, составители которого стремились «отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка» [Ушаков 1935: 3].

Следует отметить, что составители русско-китайского словаря считали необходимым включить в двуязычный русско-китайский словарь как можно больше русских фразеологизмов, крылатых выраже-

ний, пословиц и поговорок», справедливо полагая, что «именно они больше всего нужны китайским читателям» [Составители «Нового русско-китайского словаря» (俄汉新辞典) и «Большого русско-китайского словаря» (俄汉大词典) 1959: 105] и что «фразеологизмы, крылатые слова, пословицы и поговорки наиболее полно и ярко отражают особенности языка и зачастую трудны для усвоения изучающими данный язык, поэтому при составлении словарей следует включать их в как можно большем объёме, и, чем богаче будет представлены в словаре эти устойчивые выражения, тем будет лучше» [Юй Шисюн 1962: 48]. Как известно, ТСРЯ богат разного рода фразеологическими единицами: в качестве текстовых иллюстраций к словарной статье часто приводятся фразеологизмы и объяснения их значений. Это дало возможность использовать его и как основу для составления специализированных русско-китайских фразеологических словарей.

Роль Словаря Ушакова в обучении РКИ

ТСРЯ был весьма ценен при преподавании в китайских университетах русского языка как иностранного, особенно в 1950-е гг., в период бурного развития русистики в Китае. Наиболее известным центром преподавания русского языка в Китае в то время стал Харбинский специализированный институт иностранных языков (известный как «Ха Вай Чжуань», 哈外专), существовавший в 1946–1958 гг. [Группа по написанию истории Хэйлунцзянского университета]. Этот институт – первый крупный центр преподавания русского языка как иностранного, учреждённый Коммунистической партией Китая (КПК). Харбинский специализированный институт иностранных языков неизменно лидировал по количеству подготовленных квалифицированных кадров со знанием русского языка: так, в 1954 г. на учёбу по специальности «Русский язык» было принято сразу 1700 новых студентов [Лю Вэй 2010: 91], и число желающих изучать русский язык с каждым годом только росло.

Именно в Харбинском специализированном институте иностранных языков в 1951 г. при преподавании русского языка как иностранного начали методично и постоянно использовать Словарь Ушакова.

Использование этого источника в преподавании во многом было связано с деятельностью проректора Чжао Сюнь (1917–1988). Она была одной из первых китайских ученых-лексикографов, профессионально работавших в этой области. При этом Чжао Сюнь – известный преподаватель русского языка как иностранного в Китае, заметный переводчик и специалист в области двуязычного (китайско-русского) переводоведения.

В 1951 г. Чжао Сюнь, уже в должности проректора, начала составлять «Русско-китайский фразеологический словарь», используя как основу богатый фразеологический материал ТСРЯ. Она добавила к фразеологизмам бытовые примеры их употребления и снабдила их переводами. Таким образом, появилось новое ценное пособие по русскому языку для китайских преподавателей и студентов [Ли Сиинь 2007: 243].

Итак, ценность Словаря Ушакова при преподавании русского языка как иностранного в Китае, безусловно, заключается ещё и в том, что именно на его основе, как указывалось выше, был составлен «Большой русско-китайский словарь» под редакцией Лю Цзэжуна, содержащий в себе все словарные статьи и фразеологизмы оригинала. «Большой русско-китайский словарь» оказал значительную помощь китайским преподавателям русского языка, переводчикам и исследователям, использовавшим русский язык в своей работе. Он намного повысил качество преподавания русского языка как иностранного и перевода с него в Китае. С его использованием было подготовлено несколько поколений высококлассных китайских специалистов по русскому языку, в чём опосредованно следует видеть и заслугу ТСРЯ.

Из истории изучения Словаря Ушакова в китайской лингвистической традиции

Уже сразу после выхода в свет первого тома ТСРЯ был замечен китайскими русистами и вызвал у них большой интерес. Об этом свидетельствует письмо Лю Цзэжуна Д. Н. Ушакову от 2 декабря 1936 г.: «Какова же была наша радость, когда мы узнали про выпуск нового толкового словаря современного русского языка под Вашей редакцией <...>. Просмотрев Ваш богатый, прекрасно выполненный словарь, я нашёл, что это именно такой словарь, какой нам

нужен. Объём словаря, расположение материала, схема толкования каждого слова оказались приблизительно такими же, какие были приняты нами в результате долгих размышлений» [Ожегов 1957: 194]. Учитывая «усиленный интерес к русскому языку в Китае» [Там же], существовавший ещё в начале 1930-х гг., Лю Цзэжун и его коллеги, преподававшие русский язык на факультете русского языка института права и экономики Бэйпинского (Пекинского) университета, задумали создать «хороший и достаточно полный русско-китайский словарь» [Там же].

Однако они столкнулись с большими трудностями, обусловленными тогдашним положением дел в русской лексикографии: до появления ТСРЯ другого современного и подробного словаря, который подходил бы для целей создания на его основе двуязычного словаря для изучения русского языка как иностранного, просто не было. В письме Д. Н. Ушакову от 2 декабря 1936 г. Лю Цзэжун писал: «С самого начала этой работы мы встретились с одним чрезвычайно большим затруднением, а именно с отсутствием хорошего современного толкового словаря русского языка, который мог бы облегчить работу как в отношении выбора материала, так и в отношении этимологического и смыслового анализа слов: из известных нам русских толковых словарей – маститый Даль не подходит для целей современного русско-иностранного словаря, словарь Стояна (однотомный «Краткий, или Малый, толковый словарь русского языка», вышедший в 1913, 1915 и 1916 гг. – Ч. П.) слишком мал и недостаточен, а словарь Академии слишком велик и подробен и к тому же далеко ещё не закончен. Из русско-иностраных словарей мы также не нашли ни одного достаточно полного для современного русского языка. Таким образом, нам пришлось самим, своими силами, путём, с одной стороны, справок по имеющимся словарям, а с другой стороны, путём выборки из современной русской литературы и прессы, приступить к составлению словаря <...>» [Там же]. Поэтому выход Словаря Ушакова был очень кстати для работы китайских лексикографов, он полностью оправдал их ожидания, благодаря чему и был положен в основу русско-китайских словарей.

В 1984 г. в китайской печати появилась статья Го Динтай, посвященная анализу ТСРЯ, которая называлась «Ушаков и словарь под его редакцией». В своей статье её автор подробно описал биографию, научную деятельность и достижения Д. Н. Ушакова и высоко оценил рассматриваемый словарь, акцентируя внимание на следующих его аспектах: словарный состав, толкование значений слов, стилистические пометы, кодификация правописания и произношения.

Словарный состав. Го Динтай указывает: «Словарь Ушакова, содержащий 85 289 словарных статей, в основном отражает состояние лексики и фразеологии нормативного (литературного) русского языка 1930-х гг., отвечая потребностям общества того времени. Помимо слов из классических произведений русских писателей от Пушкина до Горького, он включает, в соответствии с требованиями революционного и культурного развития того времени, большое количество политических и «производственных» слов, часто появлявшихся в печати и уже вошедших в обиход всего населения» [Го Динтай 1984: 165-166]. Он также замечает, что «в словаре Ушакова в значительном объеме были представлены сложносокращенные слова», что соответствовало тенденциям и фактам развития русского языка того времени, так как «за последние несколько десятилетий (относительно времени составления словаря – Ч. П.) количество таких слов многократно увеличилось» [Там же: 166].

Го Динтай особо отмечает, что «словарь Ушакова богат фразеологическими единицами от Пушкина до 30-х годов» [Там же]. Причём фразеологические единицы подаются в словаре таким образом, что читатель легко может их найти и использовать. Указывается автором статьи и то, что «в словаре особо даются и некоторые широкоупотребительные словообразовательные части – морфемы. Дается краткое толкование значения этих морфем с иллюстративными примерами, что позволяет читателю увидеть принцип построения таких слов и даёт ему возможность освоить его и расширить свой словарный запас» [Го Динтай 1984: 166–167]. Но указывает автор и на недостатки словника: «Небольшое ко-

личество новых слов должно было быть включено в словарь, но включено оно не было. Включение областных и устаревших слов представляется избыточным» [Го Динтай 1984: 167].

Толкование значений слов. Го Динтай считает, что при толковании слов составители ТСРЯ стремились к краткости, что нередко приводило к тому, что толкования обычно оказывались очень ёмкими; составители также широко пользовались синонимическим способом толкования и давали в качестве толкований словосочетания и краткие предложения. Полученная таким образом краткость словарных статей иногда, с точки зрения Го Динтай, снижала точность толкований и уровень концептуальной целостности словаря. Кроме того, «Толковый словарь» Ушакова, по мнению китайского исследователя, не всегда содержал все значения общеупотребительных слов [Там же]. Автор упрекал составителей ТСРЯ и в отсутствии согласованности при подаче производных слов: например, в одних случаях наречия, образованные от прилагательных, рассматриваются как их денотаты и подаются в статьях о прилагательных (*весело, страшно*), а в других – такие же наречия подаются в отдельных словарных статьях (*душно, стыдно*) [Го Динтай 1984: 168].

Стилистические пометы. Го Динтай уделяет заметное внимание системе стилистических помет, во многом новаторски, широко и разносторонне характеризующих лексику русского языка. Стилистическая дифференциация словарного состава имеет огромное значение не только в преподавании русского литературного языка в иностранной аудитории, но и для тех владеющих русским языком китайцев, кто хотел бы в подлиннике читать произведения русской литературы. Иными словами, он видел в этой работе Д. Н. Ушакова серьезный просветительский смысл. Неслучайно он отмечает, что «впервые в истории русской лексикографии в Словаре Ушакова систематически использованы стилистические пометы, указывающие на сферу употребления, устарелость, стилевую отнесенность и эмоциональную окраску слов, что в большой степени способствует пониманию и правильному использованию лексики

читателем (здесь и далее курсив наш. – П. Ч.) [Там же].

Правописание и произношение. Го Динтай говорит также о том, как в Словаре Ушакова решались вопросы правописания и произношения слов: при колебании написания в виде наличия двух вариантов в словаре приводились оба: более распространённый подавался как основной, а менее распространённый приводился в скобках. Распространённые, но признававшиеся неправильными варианты также приводились в скобках со специальной пометой «неправ.», а в статьях о словах, которые могли быть произнесены неправильно, указывалось верное произношение. Го Динтай в этой связи отмечает, что в 1930-е гг. в Советском Союзе бурно развивалось культурное строительство, а старое произношение и правописание, сложившиеся в ходе истории, были очень непоследовательны и затрудняли работу школ и издательств; Словарь Ушакова, зафиксировавший новые нормы правописания и произношения, сыграл значительную роль в деле унификации русской орфографии и орфоэпии [Го Динтай 1984: 169].

С развитием теоретической и практической лексикографии понимание китайскими учёными ценности ТСРЯ продолжает углубляться. По мнению Чжан Цзиньчжун, Словарь Ушакова явился проводником в жизнь ряда важных теоретических и практических новаций: так, именно в нём впервые среди русских толковых словарей появилось развёрнутое теоретическое предисловие. В этом предисловии Д. Н. Ушаков разъясняет отличие лингвистического словаря от энциклопедического, описывает основные характеристики словаря, в частности его задачи, объём, способ построения самого словаря и словарных статей, стилистические пометы, типы толкований и т. д. [Чжан Цзиньчжун 2005: 30]. Словарь Ушакова также представляет собой первый толковый словарь русского языка, в котором идея нормативности реализована от начала до конца и принцип нормативности проходит через весь словарь на всех его уровнях, причём принципы нормативности чётко отражены в лексикографических параметрах [Там же: 31–32]. Кроме того, при составлении «Толкового словаря» под редакцией Ушакова был

достигнут определённый успех в части отбора лексем для словника (он отражает состав русского литературного языка своей эпохи во всей его полноте). ТСРЯ на фоне своих предшественников также выгодно отличается большим количеством фразеологизмов, рассматриваемых как отдельные структурно-семантические единицы языка, значение которых не складывается из суммы составляющих их элементов [Там же: 33]. Новаторским в Словаре Ушакова является и подход к проблеме разграничения многозначных слов и омонимов; в предшествующих словарях они часто разграничивались исходя из субъективных представлений их составителей, и в результате при пользовании словарями часто возникали трудности с пониманием того, действительно ли то или иное слово обладает рядом далёких друг от друга значений, или же в данном конкретном случае речь должна идти об омонимичных словах. В ТСРЯ большое количество пар слов впервые подано отдельно – как омонимы; это выгодно отличает его от словаря Грота–Шахматова [Там же: 34–35]. Также Чжан Цзиньчжун особо отмечает глубину и подробность проработки семантического анализа многозначных слов при толковании их значений [Там же: 36]. Наконец, в Словаре Ушакова тщательно проанализировано значение приставок, отмечена их синонимия, разобраны стилистические оттенки, приведены примеры словообразования при помощи приставок, что заложило начало новой традиции тезаурусной подачи словообразовательных аффиксов, которая в конечном счёте может привести к переосмыслению приставок как самостоятельных лексических единиц (наподобие «приглагольных предлогов»); кроме того, даны значения часто встречающихся первых и вторых частей сложных слов (префиксоидов и суффиксоидов) [Там же: 122–124].

Заключение

Труды Д. Н. Ушакова, особенно Словарь под его редакцией, не утрачивают актуальности как в китайской русистике в целом, так и в практической сфере преподавания русского языка как иностранного в Китае. Он остаётся одним из самых распространённых источников лексикограмматической информации по русскому языку вплоть до настоящего времени.

Сегодня мы имеем в своём распоряжении новые, более обширные по составу словари русского языка, нежели ТСРЯ. Однако этот фундаментальный источник по-прежнему является ценным справочным пособием, полезным для исследователей, изучающих эволюцию русского языка в XX в., и, с поправкой на время, для преподавателей русского языка как иностранного и как родного. Очевидно, что Словарь

Ушакова, отражавший живую русскую речь по состоянию на 1930-е гг., может служить не только источником изучения истории русского литературного языка в советскую эпоху, но и содержательным справочником в выявлении исторической эволюции семантики известных слов (*товарищ, партия, зав*), а также служить основой, образцом при подготовке двуязычных словарей.

Литература

- Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
- Го, Динтай. Ушаков и словарь под его редакцией / Го Динтай // *Lexicographical Studies*. – 1984. – № 04. – С. 163–169. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1984.04.039.
- Группа по написанию истории Хэйлунцзянского университета. История Хэйлунцзянского университета (1941–2001) / Группа по написанию истории Хэйлунцзянского университета. – Харбин : Хэйлунцзянское народное издательство, 2001. – 407 с.
- Ли, Сиинь. Язык, словарь, перевод / Ли Сиинь. – Харбин : Хэйлунцзянское народное издательство, 2007. – 277 с.
- Лю, Вэй. Общий обзор преподавания русского языка в Харбинском специализированном институте иностранных языков / Лю Вэй // *Foreign Language Research*. – 2010. – № 01. – С. 91–94. DOI: 10.16263/j.cnki.23-1071/h.2010.01.025.
- Лю, Цзэжун. Большой русско-китайский словарь / Ван Цзыюн, Ли Ифан, Лю Цзэжун и др. – Пекин : Коммерческая пресса, 1960. – 1384 с..
- Лю, Цзэжун. Новый русско-китайский словарь / Ван Цзыюнь, Ван Жунсянь, Лю Цзэжун и др. – Пекин : издательство «Шидай», 1956. – 1059 с.
- Нефёдов, И. В. Отражение системности лексики русского языка в первом толковом словаре советской эпохи. К 140-летию со дня рождения профессора Д. Н. Ушакова / И. В. Нефёдов, Т. П. Нефёдова // *Мир русского слова*. – 2013. – № 1. – С. 8–13.
- Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // *Мир русского слова*. – 2016а. – № 3. – С. 27–40.
- Никитин, О. В. Ушаковская эпопея : неизвестные страницы знаменитого словаря / О. В. Никитин // *Русская речь*. – 2016б. – № 3. – С. 51–62.
- Нин, Ци. Преподавание русского языка в Китае : обзор 70-летнего развития и перспективы / Нин Ци // *Journal of Shanghai Jiaotong University (Philosophy and Social Sciences)*. – 2019 – № 05. – С. 76–88. DOI: 10.13806/j.cnki.issn1008-7095.2019.05.008.
- Ожегов, С. И. Новый русско-китайский словарь / С. И. Ожегов // *Лексикографический сборник*. – Выпуск 2. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. – С. 194.
- Пань, Аньжун. Лю Цзэжун и русско-китайские словари / Пань Аньжун // *Lexicographical Studies*. – 1981. – № 02. – С. 234–244. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1981.02.034.
- Скляревская, Г. Н. Идея лексикографической параметризации и ее реализация в современном толковом словаре живого русского языка / Г. Н. Скляревская // *Мир русского слова*. – 2017. – № 1. – С. 11–17.
- Солнцев, В. М. Предисловие / В. М. Солнцев // *Большой русско-китайский толковый словарь*. – Харбин : Хэйлунцзянское народное издательство, 1998. – С. 3–7.
- Составители «Нового русско-китайского словаря» и «Большого русско-китайского словаря». Из опыта составления «Нового русско-китайского словаря» и «Большого русско-китайского словаря» // *Западная филология*. – 1959. – № 02. – С. 104–105.
- Сунь, Шэнью. Незабываемые годы в городе Чунцин / Сунь Шэнью // *Мемориальный сборник Цао Цзинхуа. – Шанхай, 2007. – С. 63–80.*
- ТСРЯ – Ушаков, Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. Т. 1 / Д. Н. Ушаков. – М. : Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. – 1562 стб.
- Фу, Кэ. История преподавания иностранных языков в Китае / Фу Кэ. – Шанхай : Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 1986. – 328 с.

Чжан, Дэмэй. Мемориальный сборник Цао Цзинхуа / Чжан Дэмэй, Лэн Кэ. – Кайфэн : Хэнаньское образовательное издательство, 1992. – 647 с.

Чжан, Хуйсэнь. Теория и практика составления словарей в СССР / Чжан Хуйсэнь // *Lexicographical Studies*. – 1980. – № 03. – С. 116–122. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1980.03.022.

Чжан, Цзиньчжун. Очерки по составлению русско-китайских словарей / Чжан Цзиньчжун. – Харбин : Хэйлунцзянское народное издательство, 2005. – 269 с.

Чжэн, Шупу. Как используются существующие материалы в качестве основы при составлении двуязычных словарей / Чжэн Шупу // *Lexicographical Studies*. – 1992. – № 01. – С. 29–37. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1992.01.004.

Чэнь, Чусян. Обзор развития практики составления двуязычных словарей русского языка за прошедшее столетие / Чэнь Чусян // *Lexicographical Studies*. – 2001. – № 04. – С. 1–10. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.2001.04.001.

Юй, Шисюн. Рецензия на «Большой русско-китайский словарь» / Юй Шисюн // *Foreign Language Teaching and Research*. – 1962. – № 03. – С. 48–51.

References

Chen, Chuxiang (2001). *Obzor razvitiya praktiki sostavleniya dvuyazychnykh slovarei russkogo yazyka za proshedshee stoletie* [Century Review of the Development of Bilingual Russian Language Dictionaries]. In *Lexicographical Studies*. No. 03, pp. 116–122. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.2001.04.001.

Fu, Ke (1986). *Istoriya prepodavaniya inostrannykh yazykov v Kitae* [History of Foreign Language Teaching in China]. Shanghai, Shanghai Foreign Language Education Press. 328 p.

Gruppa po napisaniyu istorii Heilunczyanskogo universiteta (2001). *Istoriya Heilunczyanskogo universiteta (1941–2001)* [The History of Heilongjiang University (1941–2001)]. Harbin, Heilongjiang People's Publishing House. 407 p.

Guo, Dingtai (1984). Ushakov i slovar' pod ego redaktsiei [Ushakov and the Dictionary under His Editorship]. In *Lexicographical Studies*. No. 04, pp. 163–169. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1984.04.039.

Li, Xiyin (2007). *Yazyk, slovar', perevod* [Language, Dictionary, Translation]. Harbin, Heilongjiang People's Publishing House. 277 p.

Liu, Wei (2010). *Obshchii obzor prepodavaniya russkogo yazyka v Kharbinskom spetsializirovannom institute inostrannykh yazykov* [The General Review of Russian Teaching in Harbin Institute of Foreign Languages]. In *Foreign Language Research*. No. 01, pp. 91–94. DOI: 10.16263/j.cnki.23-1071/h.2010.01.025.

Liu, Zerong (1956). *Novyi russko-kitaiskii slovar'* [The New Russian-Chinese Dictionary]. Beijing, izdatel'stvo "Shidai". 1059 p.

Liu, Zerong (1960). *Bol'shoi russko-kitaiskii slovar'* [The Great Russian-Chinese Dictionary]. Beijing, The Commercial Press. 1384 p.

Nefedov, I. V., Nefedova T. P. (2013). *Otrazhenie sistemnosti leksiki russkogo yazyka v pervom tolkovom slovare sovetской epokhi. K 140-letiyu so dnya rozhdeniya professora D. N. Ushakova* [The Reflection of the Russian Language Lexis Systemacy in the First Monolingual Explanatory Dictionary of the Soviet Epoch (Devoted to the 140-year Anniversary of Professor Dmitry N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 8–13.

Nikitin, O. V. (2016a). *Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg.: bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya "Tolkovogo slovary russkogo yazyka" pod redaktsiei D. N. Ushakova)* [Russian Lexicography in the 1930s: The Struggle of Ideas and Ideologies (Glimpses of History of Creation and Discussion of the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 3, pp. 27–40.

Nikitin, O. V. (2016b). *Ushakovskaya epopeia: neizvestnye stranitsy znamenitogo slovary [Ushakov's Epopee: Unknown Pages of the Famous Dictionary]*. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 51–62.

Ning, Qi (2019). *Prepodavanie russkogo yazyka v Kitae: obzor 70-letnego razvitiya i perspektivy* [Russian Language Education in China: A Review of 70-year Development and Its Prospect]. In *Journal of Shanghai Jiaotong University (Philosophy and Social Sciences)*. No. 05, pp. 76–88. DOI: 10.13806/j.cnki.issn1008-7095.2019.05.008.

Ozhegov, S. I. (1957). *Novyi russko-kitaiskii slovar'* [The New Russian-Chinese Dictionary]. In *Leksikograficheskii sbornik. Vypusk 2*. Moscow, Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, p. 194.

Pan, Anrong (1981). *Lyu Czehun i russko-kitaiskie slovni [Liu Zerong and Russian-Chinese Dictionaries]*. In *Lexicographical Studies*. No. 02, pp. 234–244. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1981.02.034.

Sklyarevskaya, G. N. (2017). *Ideya leksikograficheskoi parametrizatsii i ee realizatsiya v sovremennom tolkovom slovare zhivogo russkogo yazyka* [The Idea of Lexicographical Parametrization and Its Implementation in the Modern Explanatory Dictionary of the Live Russian Language]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 11–17.

Solntsv, V. M. (1998). *Predislovie* [Preface]. In *Bol'shoi russko-kitaiskii tolkovyi slovar'*. Harbin, pp. 3–7.

Sostaviteli "Novogo russko-kitaiskogo slovary" i "Bol'shogo russko-kitaiskogo slovary" (1959). *Iz opyta sostavleniya "Novogo russko-kitaiskogo slovary" i "Bol'shogo russko-kitaiskogo slovary"* [From the Experience of Compiling the New Russian-Chinese Dictionary and the Great Russian-Chinese Dictionary]. In *Zapadnaya filologiya*. No. 02, pp. 104–105.

Sun, Shengwu (2007). Nezabyvaemye gody v gorode Chuncin [Unforgettable years in Chongqing]. In *Memorial'nyi sbornik Cao Czinhua*. Shanghai, pp. 63–80.

TSRYA - Ushakov, D. N. (Ed.). (1935). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. T. 1 [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 1]. Moscow, Gosudarstvennyi institut "Sovetskaya entsiklopediya". 1562 p.

Vinogradov, V. V. (1977). *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moscow, Nauka. 312 p.

Yu, Shixiong (1962). Retsenziya na "Bol'shoi russko-kitaiskii slovar'" [Review of "The Great Russian-Chinese Dictionary"]. In *Foreign Language Teaching and Research*. No. 03, pp. 48–51.

Zhang, Demei (1992). *Memorial'nyi sbornik Cao Czinhua* [Memorial Collection of Cao Jinghua]. Kaifeng, Henan Education Press. 647 p.

Zhang, Huisen (1980). Teoriya i praktika sostavleniya slovarei v SSSR [Theory and Practice of Dictionary Compilation in the USSR]. In *Lexicographical Studies*. No. 03, pp. 116–122. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1980.03.022.

Zhang, Jinzhong (2005). Ocherki po sostavleniyu russko-kitaiskikh slovarei [Studies of Russian-Chinese Dictionary-Making]. Harbin, Heilongjiang People's Publishing House. 269 p.

Zheng, Shupu (1992). Kak ispol'zuyutsya sushchestvuyushchie materialy v kachestve osnovy pri sostavlenii dvuyazychnykh slovarei [How Existing Materials are Used as a Basis for Compiling Bilingual Dictionaries]. In *Lexicographical Studies*. No. 01, pp. 29–37. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1992.01.004.

Данные об авторе

Чэнь Пэйцзюнь – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русского языка Института иностранных языков, Шаньдунский университет (Цзинань, Китай).

Адрес: 250100, Китай, г. Цзинань, Хунцзялоу, 5.

E-mail: chenpeijun1123@163.com.

Author's information

Chen Peijun – Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of Department of Russian Studies of School of Foreign Languages and Literature, Shandong University (Jinan, China).

Дата поступления: 29.09.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 29.09.2023; date of publication: 30.12.2023